

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Жмурки

18+

со Вселенной

А.В. Орловская

Анна Владимировна Орловская

Жмурки со Вселенной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55806189

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05582-7

Аннотация

Вселенная слышала желание каждого человека и давала возможность исполнить их. Вот и Лили мечтала стать знаменитой художницей. Героиня жила днем сурка, транжирила время на соцсети, но каждый вечер перед сном обещала себе поменять жизнь. Девушка не замечала все удачные моменты и подсказки Вселенной, и та начала действовать за нее. Вы любите играть в «жмурки»? Вот главная героиня сыграла с самой Вселенной, но выиграла ли? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 Тик-тик-тик-так	5
Глава 2 Второе февраля	16
Глава 3 Инструменты Вселенной	27
Глава 4 Заново	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

– Бабушка, посмотри, какие звезды!

– Маша, смотри под ноги, а не на звезды.

Глава 1 Тик-тик-тик-так

Перед входом в музوماстерскую «Время» образовалась очередь. Люди стояли практически на парковке, куда заезжали гости. Выхлопные газы, громкие гудки водителей, требующих, чтобы все отошли в сторону. Я с трудом дышала в узком платье и жалела, что из всех нарядов выбрала его. Оно было настолько узким, что каждый шаг, который мне приходилось делать, уворачиваясь от очередной проезжавшей машины, был просто чудом. Среди ожидавших пронесся шепот о том, что сам Бродеев решил посетить мероприятие.

Недалеко от скопления людей на входе виднелся седовласый, симпатичный мужчина лет 45–50. Он говорил громко и каждое слово сопровождал широкими жестами. Из его слов все поняли, что некая Маргарита набрала бесталанных, пресных студентов. Его внимательно слушала женщина, про которую бабушки на лавочке сказали бы: «Какая же нимфоманка», если б такое выражение имелось в их словаре. Обыватели из художественного мира наперебой переговаривались: «что за экспрессивный тип», «ходячий словарь синонимов», «что он так громко кричит» и т.д. Мне кажется, я высокомерно взглянула на людей, задающих такие глупые вопросы, и сказала: «Это же Бродеев, тот самый!»

Шагнула вперед, когда до меня дошла очередь на входе. У билетеров перестал работать сканер QR-кодов. Всех проси-

ли показать электронные письма с приглашениями. Очередь увеличивалась, состояние недовольной толпы переходило из молчаливого в «цокающее», все переминались с ноги на ногу.

Новая музوماстерская – это переделанный ночной клуб «Гараж», который стоял в центре города и пустовал уже восемь лет. Раньше он встречал гостей ярко-красными дверями. Привлекал молодых своими артхаусными фильмами. Здесь не слушали «розовую» попсу, только жесткий рок. И подростки выражали себя как «**Я** не такой, как все, не прогибаюсь под общественное мнение, я индивидуальность». Мне нравилось здесь общаться. У всех своя драма. Никаких рюшек, только драные колготки, черные ногти. Свобода во всем, но при этом так несвободны по отношению к другим людям, одетых в светлую одежду, которые случайно открыли не ту дверь.

Кто бы мог подумать, что из того закрытого для посторонних «Гаража» сделают помпезную мастерскую «Время». И здесь будут выставляться вычурные инсталляции, а женщины в перьях будут произносить: «Ах, это восхитительно!»

С трудом открыла широкую серую дверь. Напротив входа висело странное зеркало. Поверх него нанесена картина в виде песочных часов: внизу молодой панк, вверху дряхлая старушка. Картина напоминала работу-перевертыш Лизы Рэй про молодость и старость. Отражение вошедшего человека совмещалось с изображением панка, но зловещая старушка

сверху напоминала, что часы-то спешат.

Слева все так же располагался маленький, неудобный гардероб. Из колонки звучал голос девочки, которая шепотом быстро произносила: тик-тик-тик-тАк-тик-тик-тик-тАк. Бесконечный бит пугал и напоминал хорроры про детей. Совпадая со стуком сердечного ритма, этот жуткий шепот входил внутрь. Такой ритм мог любого довести до сумасшествия, поэтому больше минуты не захотела там находиться.

Если пройти прямо, будет спуск в подвал, где находятся уборные. Если повернуть направо – просторный холл, а дальше спонтанная курилка – маленькая комнатка, где зажимались когда-то все влюбленные, подпитанные дофаминами. Я часто тайком от бабушки убегала в клуб. Здесь первый раз попробовала сигареты, алкоголь, поцелуй и даже секс.

С левой стороны располагался второй выход из холла. Он приводил в зал, где по выходным когда-то гремела музыка, а по будням показывали мрачные, странные фильмы.

Само пространство, забавный план эвакуации, мелочи в виде прежних дверных ручек передавали привет из прошлого, но интерьер незнакомый. Нарочитая обветшалость «Гаража», свойственная лофт-стилю, сменилась напускной элегантностью. Золотой декор стен, пола словно кричал: «Посмотрите, какой у меня ремонт, какой дорогой паркет, это место только для элиты». А бывшая курилка стала отличным местом расположения для дорогого ресторана.

В холле теперь гостей встречала двухметровая бронзовая скульптура – сидячая фигура, закутанная в одеяния. Сзади она напоминала известный «Плащ совести»: складки, свисающие с пьедестала, на голове капюшон. Здесь же скульптура называлась «Плащ Хроноса». И спереди вместо пустоты было изможденное лицо старика, уставшего от работы и ответственности. Из-под бронзовой накидки виднелись большие песочные часы, а в руке старик держал серп, только лезвием вниз. До мурашек пробирало от этого «Плаща».

Свободное пространство на стенах, видимо, тяготило директора музوماстерской, поэтому он старался завешать любую открытую поверхность картинами, часами и другим элитным барахлом. Особенно несуразно выглядела правая сторона холла, где окна чередовались с зеркалами. И как раз возле них уже столпились женщины с красными носами и щеками, пытаясь исправить макияж, который подарил им февральский мороз.

Тут же разместились коллекция сюрреалистических инсталляций. Часы в виде ракушки по картине Владимира Куша; мягкие, «тягучие» часы на дереве с одной веткой по мотивам Сальвадора Дали. Все композиции олицетворяли собой название мастерской «Время», чтобы никто не забыл, куда он пришел.

В узком проходе в бывший танцевальный зал возникла очередь, гости старались пройти быстрее, чтобы занять лучшее место возле сцены. Я поспешила вслед за ними. Бывший

танцпол, который когда-то вмещал до тысячи пьяных людей от 15 до 20 лет, превратился в огромную пустую мастерскую для художников. В воздухе витал запах новой мебели. Белые кожаные диванчики манили сесть и обсудить каждого, кто сюда пришел. Я не поддавалась искушению, так как платье и так чуть по швам не пошло в машине, пока сюда добиралась. Паркет меня раздражал своим приторно-белым цветом, без следов краски, потертостей или иных доказательств рабочей творческой энергии. Открывшаяся музوماстерская не казалась уютной или гостеприимной, – наоборот, во всем сквозила надменность. Гости спокойно расхаживали с бокалами игристого, рассматривали стены, делились впечатлениями. Мужчины постарше налегали на крепкие напитки и не отходили от подносов с коньяком.

Как и все присутствующие, с любопытством смотрела на окружающих и вдруг увидела знакомое лицо. Александр Верб, тот приятный мужчина, который случайно зашел в мой офис. Его голубой костюм ярким пятном выделялся среди светского общества. Наши взгляды встретились, он улыбнулся и пошел ко мне, а я – к нему. Но его кто-то окликнул, и Александр только махнул мне рукой в знак приветствия. Мой растерянный вид и неловкость рассмешили бы любого наблюдавшего за мной.

Людям становилось скучно, и даже обсуждение других гостей не помогало. Болтовня сфокусировалась на известном импресарио. Удивилась этому слову, так редко можно услы-

шать его в речи. Некий Манилов, который не любил простых художников и искал себе новых жертв. Возможно, одну из них он уже нашел.

Каждую минуту проверяла время. Гости с надеждой смотрели в сторону небольшой импровизированной сцены, ворчали, что затянулось начало. И вот появился факир, он же художник, одетый так, будто минуту назад находился в Индии. Он поклонился нам, а мы ему зааплодировали. Вынесли большое полотно, размером, наверное, с двухэтажный дом. Перевернули, чтобы положить его, но оно выскользнуло из рук помощников и грохнулось на пол. Факир нахмурился и махнул руками, чтобы те уходили со сцены. Люди перешептывались, с любопытством наблюдали за его действиями. Ему приносили ведра с краской, и он плавно, волнами, с помощью совка выливал их на будущую картину.

Наконец-то пол мастерской перестал быть девственно чистым, и помещение наполнилось творческой энергией. И тут же последовали возгласы недовольной барышни, на туфли которой попала краска.

Факиру вынесли флейту, и через секунду зазвучала мелодия. Вышел его помощник с корзиной и пнул по ней. Ничего не произошло, и помощник пнул еще раз. Там кто-то зашевелился. Появилась голова кобры, и факир мгновенно ударил ее флейтой. Все хором ахнули. Змея настороженно, медленно, по сантиметру вылезала из корзины. И мы все ждали, когда же она закончится.

Танец кобры я уже видела и знала о хитростях заклинателей: те специально напаивали змей, вливая им через трубку в рот целый кувшин воды. Змеи тяжелели и не могли напасть на человека.

Наконец она полностью вылезла и оказалась длиной метра два. Она слушалась художника, шипела, расширяла капюшон, высовывала язык. Медленно передвигалась по полотну, и краска стекала с краев картины. Зачаровывающий и опасный танец на грани жизни и смерти. Я ненавидела все представления с животными и проклинала наши уродливые цирки, но продолжала завороченно смотреть, словно факир меня саму вогнал в транс с помощью музыки.

Змея все ближе и ближе подползала к художнику, и он начал пятиться назад. Сделал шаг. Потом еще маленький шагочек, и запнулся о пустое ведро. Люди вздрогнули. Флейта упала, и мелодия прекратилась. Наступила тишина. Все стояли, и не двигались, и даже не дышали. Что же дальше?

Коварная хищница помочилась на картину. Кобра легко могла теперь броситься на заклинателя. И судя по его лицу, он это понимал. Все молчали, и даже та барышня не пискнула, хотя ее туфли испачкались в жиже.

Помощник осторожно подошел к змее сзади и ударил ее током. И еще раз. И еще раз, чтобы наверняка. Все ахнули. Роскошная кобра упала, помощник намотал ее на руку, словно толстый кабель, и унес из зала, а хвост все волочился и волочился по полу. Вид ужасающий. Не могла больше

там находиться. Лучше быть слепым, чем видеть все эти издевательства. Попыталась протиснуться через плотную толпу к выходу, но люди не пропускали – все словно под гипнозом смотрели шоу дальше. Зазвучали аплодисменты и восторженные крики. Я обернулась посмотреть, что же еще там такого показал художник. Тот стоял с поднятым холстом. С абстрактного полотна стекала моча, и это еще больше завело публику.

Художник объявил о главном номере вечера. И спустя минуту предстал в обнаженном виде и с факелом в руках. На сцену вытащили новое полотно.

Перформанс выглядел жарким во всех смыслах этого слова. Мускулистое красивое голое тело, пылающий огонь и холст. Для пущей зрелищности по бокам «огнедышащего» художника выступали две миниатюрные девушки в кожаном белье, жонглирующие горящими шарами. Шоу получилось ярким, но воздух пропитался запахом паленых волос.

Пламя было всегда разным и никогда не повторялось, как и картины, созданные с помощью него. Живой спектакль нравился окружающим, картины благодаря огненному дыханию выходили фантастическими. И среди толпы уже началась безжалостная торговля.

Я ушла в свои мысли и не заметила, как начала говорить сама с собой вслух. «Да уж, спасибо, что хоть не горящим членом рисует». И как часто случается, мои сокровенные мысли прозвучали громко и в момент внезапной тишины.

Шокированные зрители обернулись, люди стали отходить от меня. И внезапно рядом заговорил тот самый Бродеев:

– Мне кажется, рисовать членом уже неоригинально, неоргазмично, да просто банально для перформанса. Вы разве так не считаете?

Даже без зеркала могла определить, что лицо мое становилось пунцовым. Пенисы – не та тема, которую хотела бы с ним обсуждать. Предательски образовался ком в горле, глотала-глотала, ничего не вышло. И немного сдавленным голосом произнесла:

– Эм... рисовать... или другими частями в принципе... В общем, скоро рисовать кистью снова станет модно.

Засмущалась, корила себя, что в самый ответственный момент не смогла собраться и выдать умное. Уголки губ Бродеева поползли вверх, и он перевел глаза на факира. Я смотрела на него, надеясь, что он не принял меня за полную дуру.

Вдруг его глаза округлились, улыбка исчезла, а на лице отразился испуг. В зале завопили. Люди резко повернулись и начали друг друга толкать, стараясь быстрее выбраться из зала. В эту минуту элита походила на спасающихся зверушек в горящем лесу. Толпа стремительно выносила всех к узкому выходу. Я попыталась задрать узкое платье повыше, замешкалась и чуть не упала: мои каблукы оказались совсем не подходящими для такого «горящего» вечера. Выставила локти, чтобы меня не задавило обезумевшее стадо. Наконец вытолкнули друг друга. В холле стало полегче двигаться, и

впереди уже виднелся «Плащ», но он мог стать последним одеянием для испуганных бегущих людей.

Попробовала взять левее, но чья-то рука ухватилась за мои ноги. Девушка цеплялась, поднималась вверх по моему телу, слышались ее хриплые просьбы о помощи. Я попыталась сделать шаг к скульптуре вместе с «утопающей», и в это время «Плащ» всколыхнулся. Посторонние руки успели вскарабкаться. Слышался резкий хлопок, наступила темнота, завывла сигнализация, предупреждающая всех об эвакуации. Скорость «зверушек» увеличилась втрое. Какая-то женщина орала про шубу и гардероб. Ее спутник всех расталкивал и кричал, что заберет шубу. Люди пробирались с бокалами, но те падали и бились.

Никто уже не видел, но мне казалось, что «Плащ» затанцевал во весь рост. Вдруг резкая боль от удара по голове. Я упала. Одичавшая публика оставляла следы на моем лице и теле, в меня вонзались острые шпильки. Я закрывала голову руками, мне не хватало воздуха, грудная клетка сжималась. Боялась, что не смогу вздохнуть, умоляла: «не надо», пыталась ползти. Последнее, что видела: рядом упали бокалы и вспыхнуло пламя от пробежавшей горячей юбки. Вокруг все кричали, но я слышала только ужасную девочку из гардероба:

Тик-тик-тик-тАк,

Время пришло сгорать.

Тик-тик-тАк.

Твою душу можно забрать.
Тик-тАк,
Время настало папу обнять.

Глава 2 Второе февраля

Говорят, что перед смертью проносится вся жизнь. У меня же пронеслись только последние два года, и самое первое, что всплыло в памяти, – это знакомство с Григом. Потом еще какие-то клочки воспоминаний...

17:59. В эту минуту все сотрудники замороженно смотрят в угол экрана своего ноутбука. Еще чуть-чуть, и офис уйдет в прошлое хотя бы до утра.

18:00. Все резко срываются с рабочих мест, среди них и я. Вчера мне исполнилось 24 года. Тоже лихорадочно собираю документы, кладу в сумку телефон, блокнот, помаду. Ни одной лишней минуты здесь нельзя находиться. Убегать нужно молниеносно, чтобы никто не смог остановить и отнять драгоценное время.

– Вы уже уходите? – спрашивает проходящий мимо завхоз.

– Да, – говорю ему.

Главное правило офиса в конце рабочего дня – отвечать коротко, иначе наглый коллега, решивший еще поработать, заберет не минуты, а уже часы.

Бесшумная обувь сменяется на тонкие шпильки. Теперь официально можно стучать каблуками: директор ненавидит, когда сотрудники громяют обувью, но его уже нет на ме-

сте. Опаздываю. Слышу, как коллеги закрывают двери, а ключи бросают в бездну сумок. На выходе смотрю в большое зеркало – и ведь никто не сказал, что весь день проходила лохматой. Волосы торчат, как будто спала с мокрой головой. Натягиваю шапку, закрываю дверь и бегу к выходу.

18:27. Я жду автобуса уже пятнадцать минут. Из-за промозглой погоды нос опускается в шарф. Не помогает, на вдохе дрожит все тело. Подходит наконец-то 53-й автобус. Это единственный в городе маршрут, по которому еще ходят длинные автобусы. Радуюсь: мое любимое место возле окна в дальнем левом углу никто не занял. Тихое, уютное и закрытое местечко.

Вроде еще не семь, а на улице уже плохо видно людей, зато хорошо выделяются «кричащие» баннеры. Время такое: заметны только вывески. В салоне оповещают о следующих остановках. В студенческие годы я любила ездить с водителем-меломаном: он включал древние песни, и обстановка менялась, накатывала волна единения с незнакомыми людьми. Мы подпевали всем автобусом: «Она хотела бы жить на Манхэттене...»

Роюсь в сумке, ищу наушники.

Где-то впереди раздается ноющий диалог двух бабок, которые стыдят молодежь за оставленную на сиденье бутылку. При резком торможении она звонко падает. Автобус трогается дальше, а бутылка перекатывается по салону.

– Вот не выкинули! Какая стала молодежь бескультурная,

в наше время уже бы уши надрали за такое. Не могут даже донести до мусорки. Позор какой.

В их разговор вклинивается кондуктор и рядом стоящие и кивающие пассажиры. Обсуждение быстро переходит к школам, налогам, депутатам, которым не хватает 400 тысяч зарплаты. Болтовня продолжается под резвое перемещение бутылки, и никто из них уже не помнит, с чего все началось. Водитель опять резко тормозит, и блуждавшая бутылка прикатывается к ногам сидевших впереди бабулек. И тема с молодежью крутится по новой.

Наконец-то надеваю наушники, звучит та самая песня, которая когда-то объединяла такой же автобус. Меня уносит поток мыслей, тихонько напеваю: «Она хотела бы жить на Манхэттене и с Деми Мур делиться секретами, а он просто...» Пассажиры вокруг поворачиваются и немного улыбаются мне. Закрываю рот, оказывается, я снова пела в автобусе. Видимо, эти люди со мной часто ездят и привыкли к моим чудаковатостям. Снимаю наушники, а бабки так и мусолят молодежь.

Подходит молодой человек и одним действием останавливает круговорот тем: молча вытаскивает из своего пакета книгу и кладет туда бутылку. Нитье прекращается, спасибо прекрасному рыцарю. Рядом со мной освобождается место, и он садится. На вид ему лет тридцать, удивительно, что в мире барбершопов еще можно встретить бороду а-ля скандинавский дровосек.

Я работаю с графиками, кругами и цветными линиями, поэтому на ситуацию в автобусе у меня сразу выскакивает картинка в голове, где надпись сверху гласит: «Мир делится на два типа людей». А внизу диаграмма: 80 % – люди, которые вечно ноют, остальные 20 % – молча решают проблемы.

Мужчина врывается в мои размышления:

– У вас чудесный голос!

Наверняка краснею.

– Привет. Кстати, меня зовут Григорий. Честно, не умею знакомиться, но все нужно попробовать. А ты как? Точнее, тебя как зовут? Ой, точнее, вас.

Секунда неловкости, и мой внутренний диалог: Григорий? Серьезно? Еще и с бородой. Мысль об историческом персонаже меня смешит: только Распутина в моей жизни не хватает. Вспоминаю, каких Григориев еще знаю, и строю очередной график, куда втискивается и Лепс со своей рюмкой.

Видимо, ассоциация с певцом и водкой повлияла на решение поддержать разговор. Вообще, в таких случаях придумываю изощренные фразочки типа «в каком году изобрели компас?» и тому подобное. Но тут парень мне нравится, и сегодня я не зануда.

– Лили́.

– Какое странное имя. Или это псевдоним?

– Нормальное имя, – отвечаю ему сквозь зубы, словно я лев, защищающий территорию. Мое имя никто не должен

трогать.

В руках он держит книгу, которую когда-то скачивала, – «Ложная слепота» Питера Уоттса. Только моя электронная версия сейчас «пылится» среди гигов, хотя каждый день обещаю себе, что обязательно прочитаю все, что хранится в папке «Мои книги».

Григорий, видимо, обращает внимание, что я смотрю на его руки, спрашивает у меня, указывая на книгу:

– Читали?

– Только собираюсь.

– Ого, не каждая девушка интересуется настоящей фантастикой.

Ого – раздается и в моей голове. Странно, что у меня хранится эта книга, наверное, скачала из-за понравившегося названия. Со всей деловитостью отвечаю:

– Говорят, самые умные читают научную фантастику.

– Не... скорее самые умные ее пишут.

Мы оба улыбаемся. Краем глаза замечаю приближавшуюся свою остановку, быстро поднимаюсь с места, вслед за мной встает и Григорий.

– Вы вот сейчас уйдете, а как я вас потом найду? Как узнаю, что вы дошли до дома, вон какая темнота на улице.

– Можете найти меня @Лиликул.

– А-ха, смешно. М-м-м, типа Лили классная?

– Почти. Лили Кулеева.

Мы обмениваемся аккаунтами в соцсетях. Вечером ста-

вим лайки, комментируем фотографии смайликами. Встречаемся на следующий день, гуляем, пьем кофе – и так всю неделю.

Мы мало спим, допоздна разговариваем. У нас у обоих аллергия, у меня на лилии, а у Грига на тупые законы. Тяжело встаем с утра на работу, весь день проводим в разговорах по телефону. Грига невозможно переслушать, он знает о самых разных вещах – от жирафов до коллайдера. Он сыплет латинскими крылатыми фразами и шутками о политике, религии, которые меня пока не смущают.

Я люблю эту жизнь: без планов, списков, только секс с голоду. Обеды, ужины, бытовуха – всё неважно, только наши тела и гора презервативов. Все места его квартиры опробованы, мы словно путешественники по миру и отмечаем на карте, где у нас еще не случилось. Мне редко удается домыть посуду, его руки нагло залезают под майку, нас тянет к друг другу при малейшем прикосновении. Жизнь напоминает сплошное шестое июля – день поцелуев.

Отношения между мужчиной и женщиной сейчас развиваются быстрее, чем в девятнадцатом веке, правда, медленнее, чем во времена пещерных людей. Несколько месяцев, и мы уже спорим, у кого лучше жить. Длинное имя Григорий сокращается до Грига, в честь моего любимого композитора. А позже мы подбираем кличку нашему коту – Сажа. Прозвище хорошо подходит для черного питомца. Григ переезжает ко мне.

Устаю запинаться о его коробки. Бедные мои мизинчики! Хотя он так мило при каждом ударе дует на них, целует и приговаривает, как он их обожает. Но коробки так и стоят. Он не разбирает их и по дому передвигается исключительно в трусах, потому что аномально жаркое лето, а в квартире отсутствует сплит.

– Что они до сих пор здесь делают? Поставь их рядом с моими ящиками на балконе.

– Вообще-то раньше они стояли в прихожей, теперь в зале, как видишь. Я просто все еще надеюсь, что мы будем жить у меня. Там просторнее. А тут даже коту негде разгуляться.

Его забота умиляет, но остаюсь непреклонной.

– Милый, мне тут до работы добираться сорок минут, а это, между прочим, роскошь.

Широко улыбаюсь, спор пора заканчивать, потому что уже целый день мы не обнимались.

– Здесь колхозно, или, как мой брат говорит, «кэлхори». Нет, я серьезно, какой год на дворе, а в квартире деревянные окна.

Его слова меня задевают – нельзя покушаться на святые вещи.

– Бабуля говорила, что окна должны дышать, во всем мире деревянные окна считаются лучше любого пластика. Не хочу здесь ничего менять, мне так спокойнее, как будто Ба еще рядом.

– Вот этим ты меня и пугаешь. Твой дом с привидениями.

Григ дурочится, выставляет руки и бежит за мной с криком «Буа-а-а-а», типа он повзрослевший Каспер. Я от него, но наши салки вокруг коробок заканчиваются падением на самую большую. Картон не выдерживает. Развалившаяся коробка с одеждой становится кроватью. Мы смеемся, целуемся. Мозг рисует график с классификацией секса. Молчаливый секс или, наоборот, орущий, словно наступил март в кошачьем клубе. Григ – это двойной март.

– Лили, тише, твоя соседка явно со стаканом возле стенки сейчас стоит и тычет пальцами в телефон, вызывает уже полицию.

Мы смеемся. Соседка и вправду может стоять со стаканом. Подыгрываю Григу:

– Да, баба Тоня, здравствуйте.

Выброс эндорфинов, счастье накрывает как теплое одеяло, сердце колотится, и мы без конца обнимаемся. Григ смотрит в непобеленный потолок, а я спрашиваю:

– Нравится теперь эта квартира?

Он только произносит: «Угу». Мы лежим голыми среди вещей и раздавленных коробок. Разглядываю тигра на его руке, хищник грозно смотрит на меня, а вокруг его головы лента с надписью «ВДВ – Никто, кроме нас», фраза, которая ярко характеризует хозяина тату.

– Что ты улыбаешься? – спрашивает Григ.

– Вспомнила, как первый раз увидела «ВДВ» на твоей руке и растерялась.

– Почему?

– Да я таких обхожу стороной. Купания в фонтанах, мордобои, битье бутылок о голову. Короче, в день ВДВ лучше сидеть дома.

Мои слова его смешат:

– Что за стереотипы? Я никогда не купался, никого не бил в этот день. Нет, ВДВ – это «с любых высот в любое пекло». Достоинство, несгибаемость, борешься до конца. ВДВ – это не только второе августа.

Утыкаюсь в шею Грига и не могу насытиться его запахом. А он все продолжает о своем братстве:

– Нет, если какой-то «пережратый» заблевал тамбур или вусмерть пьяный в парке докопался до подростков, скорее всего, он не из ВДВ, просто форму напялил.

Григ крепко обнимает меня.

– И вообще, этот день обычно проводят с семьей, все со своими пацанятами или дочками приходят на встречу. Дети заглядывают в рот своим отцам, внимательно слушают их байки. Ну какой адекватный десантник будет нажираться при детях? – Григ расплывается в улыбке и неожиданно выдает: – И я тоже своего пацана буду водить, чтобы слушал.

Он мечтательно закатывает глаза, а я вырываюсь из его объятий в ванную.

– Ладно, пора разобрать коробки. Куда мне складывать вещи?

Григ осматривает зал, как будто в первый раз его видит.

– Клади куда хочешь.

– Что я спрашиваю? Эта квартира – сплошной советский комод, вещи можно даже в сервант положить.

Квартира правда больше напоминает советский шкаф, много сохранилось реликвий из бабушкиной молодости. Меня не раздражают совковые раритеты, но комод, сервант и стенка по периметру зала удручают Грига. Еще ему не нравится ванная комната, совмещенная с туалетом.

Кухня здесь тоже небольшая, зато с выходом на балкон. Мы с бабушкой часто сидели там, разбирали ее старые вещи, она рассказывала про свою молодость, а я доверяла ей секреты о своих снах и обидах. Помню, в детстве мне папа на первое занятие в художественной школе подарил набор кистей из пони. А я перепутала пони с единорогом и говорила всем, что у меня волшебные кисточки. Мне никто не верил, учительница прочитала на упаковке, откуда они, и рассказала всем, надо мной стали смеяться. Бабушка меня утешила и устроила нам чаепитие на балконе. Летом мы часто обедали там, а зимой перебирались на кухню. Эти два места: балкон и кухня – для меня словно вселенная детства.

А потом бабушка умерла. Коробки со старыми вещами, книгами, тетрадями, куча сломанных настенных часов, древние телефонные трубки – всё это хламом теперь лежит на балконе.

Григ постепенно привыкает к устройству квартиры. Он знакомит меня с родными. Его отец, Александр Евгеньевич,

немного сердитый, властный. Мне нравится, что Григ называет его «папа». И между ними нет проблемы отцов и детей.

Александр Евгеньевич всю жизнь строит бизнес, и Григ ставит своего отца в пример, когда речь заходит о стойкости и мотивации. Мама, Анастасия Юрьевна, добрая, без всякого намека на снобизм и высокомерие, но с вечным списком вопросов: когда свадьба, дети, внуки. Тема детей меня раздражает, поэтому при диалоге съеживаюсь. Семья обеспеченная, младший брат учится в Англии, и, как говорит Григ, «он тот еще мажорчик».

Бытовой режим со временем налаживается, вещи разложены, а мы наконец-то начали есть, спать, иногда даже удаётся помолчать. Рабочие дни сменяют друг друга, а вечера проходят уютно, и мы засыпаем от просмотра очередного скачанного сериала. Наступает утро, и день сурка втискивается в мою жизнь.

Глава 3 Инструменты Вселенной

Еще один отрывок.

07:07. Будильник на телефоне оповещает, что «повторяющийся» день начинается. С утра ужасно давят звуки. Плавные мелодии мне не помогают проснуться, поэтому только отвратительные пип-пип-пип, как будто пожарные сирены трубят об опасности. Лениво открываю глаза и выключаю телефон. Закрываю глаза и открываю их только через десять минут, когда звенит второй будильник. Такое повторяется еще три раза. Спящий рядом Григ спрашивает каждое утро одно и то же на протяжении года:– Зачем ты ставишь на семь и просыпаешься через каждые десять минут?

Сегодня отвечаю не только мысленно:

– Потому что я каждый раз верю, что встану в следующий раз.

08:00. Окончательно просыпаюсь, в суете вырывается слово «черт», сразу же ругаю себя. Бабушке обещала не произносить это слово и вместо него говорить «фея». Например, не «пошло все к черту», а «пошло все к феям». В ванной уже заседает Григ.

– Григ, выходи, у тебя там ничего даже не журчит, знаю, что ты просто сидишь в телефоне.

Слив туалетного бочка и ворчание – как признак, что скоро откроется дверь.

– Лили, я который день не высыпаюсь из-за твоего трех-разового будильника. Что за маразм так просыпаться?

– Ой, сколько можно мне повторять одно и то же!

Следующие двадцать минут перемещаюсь по квартире со скоростью чемпиона среди гепардов.

– Возьми телефон, тебе звонят.

– Сбрось, потом перезвоню. Где мои ключи? А-а-а, черт, а-а-а, фея-фея. Я уже не успеваю позавтракать. Все, нашла. Пока-а-а-а.

Мне нравится ездить в автобусе. Утренние посиделки или «стоялки» обеспечивают темы для дальнейших разговоров с коллегами. Наблюдаю за пассажирами, их чертами, колоритными особенностями. Выбираю типажей для своих будущих зарисовок. Многих уже узнаю в лицо и запоминаю, к кому лучше не садиться – из разряда «запашистых».

Мозг придумал классификацию пассажиров, которые разговаривают по телефону. В первую группу входят люди-шифровальщики, вместо слов они используют «да» и «нет», очень кратко отвечают и кладут трубку. Вторая группа – это трагики. Весь автобус погружается в драму героя, будь то ссора с родителями или разборка с любимым. Через пять минут бурных обсуждений мы все уже в курсе, что Таня любила Вову, но он кобель (иногда звучат слова более оскорбительные), бросил ее ради богатой Виолетты Александровны. Третья группа – экшеонисты. Вот они самые интересные, рассказывают захватывающие истории. Например, мужчина

звонил другу, после того как его чуть не ограбил бомж возле банкомата. Пассажиры рядом сопереживали, убирали наушники и смаковали подробности. К пятому звонку история разрослась: не банкомат, а отделение банка, в котором охрана плохо работала, и он в одиночку отбивался от трех напавших бандитов. Экшен в чистом виде, автобус мысленно ликовал: «Браво, а ты, Кэмерон, иди покури в сторонке».

Еще одна группа – это вирусные рекламщики, или «народники». Они рассказывают о новых духах, помаде или фильмах. Есть такие, которые работают на ухудшение имиджа. Девушка пролежала неделю в больнице, жутко отравилась пельменями (фирма или магазин обязательно уточнялись) и без всяких прикрас рассказывала, что она «все заблевала, и днище прорвало, и ни в коем случае не бери эти пельмени».

Моя остановка, и сразу высокое уродское, по мнению любого урбаниста, здание с кучей колонн и зеркальных окон. На лавочке мои коллеги обсуждают предстоящие отчеты, которые обязательно надо оформить в PowerPoint.

На совещаниях не вслушиваюсь в цифры и, чтобы не уснуть, рисую коллег или автобусных попутчиков. Офисный день проходит спокойно и стабильно: вкусный обед, беседы, приятные для женской аудитории и немного непристойные для мужских ушей.

Ожидание 18:00, и опять тот же автобус. Дома меня ждет кот и «нависшая» обязанность готовить ужин. После пробок желание готовить исчезает, остаются силы только на диван и

просмотр соцсетей. Позже приезжает голодный и ворчливый Григ, поэтому на скорую руку делаю макароны по-флотски. За ужином мы разговариваем о новостях, звездах шоу-бизнеса, о спорте.

– Я завидую всем этим чемпионам. Они с самого начала знали, чего хотят, и шли к цели. А вот если я не знаю, что хочу? Как мне найти себя? Знаю, тебя раздражают эти разговоры, но, Григ...

– Лили, ну, во-первых, за этих чемпионов когда-то решили родители, что они хотят знаменитых спортсменов. А во-вторых, заколебали эти ноющие разговоры о поиске себя. В жизни все проще. Представь картину своей счастливой жизни. Что ты видишь? Можешь не рассказывать даже, вот что ты увидела, к тому и стремись.

– Да могу и рассказать. Я стала знаменитой художницей.

– Стать знаменитым художником или режиссером – это такое эфемерное желание. Кто определяет, стал ты им или нет?

– Так, ты меня перебил. Мои картины выставляются в лучших галереях, таких как наш «Метрополитен». Я получаю престижную премию, лучше сразу «Золотую кисть». Живу на Манхэттене, а еще у меня домик-галерея, допустим, в Испании. Я пью прекрасное вино, путешествую, меня все знают на Венецианской биеннале. Ой, да список можно продолжать вечно.

– Ну вот тебе и ответ. Не нужно искать себя, надо созда-

вать себя. Разбивать свою идеальную картинку будущего на подпункты и выполнять. Все! Это проще, чем проходить сто тестов, читать книги или посты нынешних блогеров про самореализацию, мотивацию и подобную ерунду.

С одной стороны, меня раздражает в Григе то, что по любому поводу у него есть свое мнение, но он не отличается тактичностью, выражает мысли прямо и подтверждает свою точку зрения кучей примеров, порой совсем из другой области. Я втайне поддерживаю его взгляды, но никогда в этом не признаюсь.

– На словах все так легко выглядит. Ты же знаешь, я каждый день думаю: пора начать жить по-другому. Но мотивации совсем не хватает. Можем сегодня посмотреть какой-нибудь фильм типа «Начни сейчас, иначе завтра уже пожалеешь».

– Ой, нет. Ненавижу мотивационные фильмы, тренинги, марафоны и всех этих коучеров. Они поняли фишку и повторяют все друг за другом. Больше половины из них харизматичные аферисты. Вон возьми «Обломова», самая мотивационная книга на все времена.

– Твоя узколобость раздражает. Вот чем мне может помочь эта книга?

– А чем тебе могут помочь эти тренинги? Посмотри на моего отца. Ты думаешь, он смотрел все это? Нет, Лили, он просто всю жизнь пахал, добивался всего сам. Становился три раза банкротом, сначала прогорел его бизнес с удочками,

он открыл домашнюю пиццерию. Кризис, закрыл ее. Потом вставал на ноги и опять пробовал. И он никогда не ныл, из мотиваторов были только мы, голодные и сидящие у него на шее дети.

– Ага, по-твоему, и меня голодные малыши будут мотивировать? Григ, ты опять, что ли, к теме детей переходишь?

– Да при чем тут... А-а-а, с тобой невозможно разговаривать, ты перескакиваешь. Именно мы, дети, давали «пинка» папе, грубо выражаясь, а не чужой дядька за деньги на семинаре.

Наступает тишина. Потом Григ говорит:

– Я уже понял твое мнение насчет детей. Тебе еще рано, бла-бла-бла, пока ты не найдешь себя и так далее.

– Да, и я повторяю тебе снова и снова. Дети – это прекрасно, но мне еще нужна свобода, не готова к такому, понимаешь?

Я вздыхаю, спор заходит в тупик. Собираю грязные тарелки со стола. Григ рассказывает про успешный путь своего отца. Но шум от воды мешает мне услышать эту историю в пятьсот второй раз.

Поздний вечер мы проводим каждый за своим телефоном. Я надеюсь прочитать книгу о навыках успеха, но даю себе пять минут на то, чтобы еще посидеть в соцсетях. Полезным делом займусь ровно в 22:00, лучше в 22:30. Ближе к полуночи понимаю, что уже бессмысленно начинать читать.

«Интернет-сожаление» (по-английски int-regret) – это

чувство знакомое каждому, кто корит себя за впустую проведенное в соцсетях время. Они мне вредят, но ничего не могу с собой поделаться. Устанавливаю лимиты – они ограничивают время работы соцсетей. Помогает буквально на два дня, постепенно добавляю к лимитам по пятнадцать минут, потом перевожу на два часа, а затем на три. Бесконечное сожаление и отсутствие силы воли приводят меня в уныние. Для человека, который жаждет вырваться из дня сурка, я безвольная какашка.

В жизни работающих людей остается один полноценный выходной. И столько всегда надежд на единственный день. И сколько обид, если он проходит так же серо, как и будни. Но иногда среди недели мы с Григом выбираемся в кино, на концерт или в театр. Мы спешим на спектакль об Алисе, столько положительных отзывов. Григ с трудом соглашается, и то потому, что нельзя отказывать имениннице в ее просьбе. В театре все монотонно машут программкой с либретто, создавая иллюзию циркуляции воздуха. Зал наполняется детскими визгами и взрослым шиканьем. Впереди нас сидит семья. И мальчик лет восьми в момент взлета актера говорит своему папе: «Смотри, летает тот, кто сумел взлететь».

Григ тут же прислоняется ко мне, шепчет. На нас шикают соседи, я тоже неодобрительно смотрю на него, и не из-за чужого мнения по поводу этикета, а потому что его умиление детской мудростью меня раздражает.

Мой день рождения проходит молчаливо, с непонятными

эмоциями от спектакля. Мы оба в соцсетях, едва перекидываемся двумя-тремя фразами, чтобы показать смешной мем или коуб, тема гениального ребенка больше не поднимается.

Все мои знакомые строят карьеру, и только две коллеги находятся в декрете. Заезжаю к ним раз в два-три месяца, но запах сожженной каши, ненавистный еще с детства, убеждает, что нам стоит встречаться еще реже. Ухоженные девчонки превращаются в замученных женщин с синими кругами под глазами, грязными шишками на головах – вполне подходящий образ для рекламного буклета с презервативами.

Мне нравятся их дети, но на расстоянии и раз в полгода. Страх, что жизнь превратится в одну сплошную подгоревшую кашу, выбивает из меня все желания, связанные с материнством.

Мои дни и так не отличаются разнообразием. Каждую ночь ложусь с мыслью, что завтра все будет по-другому, запишусь на какие-нибудь курсы, скажу начальнику, что уйду, начну путешествовать, мы с Григом посетим все музеи.

Удивляюсь, когда следующей ночью вновь погружаюсь в те же мысли: «Нужно поменять сегодняшний день, иначе завтра будет таким же, как вчера». Затем к заезженной фразе добавляется: «Но сейчас-то ночь. Надо постараться завтра встать вовремя и начать жить по-другому».

Опять 08:00. И снова меня ждет недоброе утро без завтрака.

– Телефон глючит, не могу зайти в соцсети, ни в одну при-

чем.

– Дай посмотрю. Вот я вхожу, твои приложения работают, вроде все нормально.

– Что за шаманские дела! А вчера у меня экран потух, как будто в режиме экономии находился, хотя зарядки оставалось еще шестьдесят процентов. И это все происходит, как только захожу в соцсети.

– Ничего сейчас не вижу.

– Ладно, уже опаздываю, до вечера.

Быстро целую любимого, беру со стола печенье, хлебаю чужой чай. Григ такое не выносит, поэтому, пока надеваю обувь, выслушиваю недобрые слова о своем режиме: «Надо вставать пораньше, чтобы успевать завтракать, наливать себе чай, а не брать мой». Закрываю дверь, а он все болтает, и даже в подъезде еще слышу пару нудных фраз.

А потом меня ждут те же лица, действия, разговоры в течение офисного дня. Но, к счастью, выходит из отпуска любимая коллега – Мила. Когда она входит в кабинет, появляется запах мандарина. А после ухода остается нотка жасмина. Запоминающийся запах и красная губная помада – главные штрихи ее образа. Темно-русые блестящие волосы, идеальная укладка – каре с густой челкой.

08:44. До официального запуска «энергоотсоса» (я так называю нашу работу) остается пара минут. Утренний кофе, курилка, уютный закуток для свежих сплетен на балконе возле моего кабинета. Мы с Милой здесь узнаем подробно-

сти договоров, сплетни о других компаниях. Коллеги, скорее всего, стоят в дорожных заторах и лишаются возможности услышать подробности моего дня рождения.

– В общем, Мила, скучный день, спектакль, ужин, практически с Григом и не разговаривали. Как твой отпуск? Судя по тому, что ты целых две недели не появлялась в «Пробке», отдых получился интересным.

– Нормальненько, просидела пару дней дома, навела чистоту. Съездила к морю, фоточек теперь миллион, расскажу на обеде больше, а то времени совсем мало. А вчера подружка вытащила на семинар «Just... чего-то там». Кучеры, ой, коучеры, – хотя разницы особой не вижу, суть одна, – рассказывали о жизни фрилансеров. Не работайте с девяти до шести, только на себя и удаленно. Надо заплатить им, чтобы узнать, как зарабатывать миллионы, сидя дома в пижамке.

– Смешно, ты вдохновилась?

– Ой, нет. Я обожаю нашу офисную жизнь. Все эти элегантные жилеточки, платья, проекты, знакомства с потрясающими людьми. Не буду уходить на фриланс. Это нестабильно, без красивых нарядов, и совсем без корпоративных подарков, конфет и пирожных. Я люблю дресс-код, подаренные фирменные блокнотики, обеды, пятничные посиделки с коллегами.

– Ой, Мила...

– Да, ты с нами не ходишь, а так бы изменила мнение. Корпоративы вообще отдельная тема. Один раз сходишь, а

разговоров на целый месяц: кто с кем флиртовал, переспал, танцевал и чего только не делал.

– Да-да, я помню, как потом все по туалетам обсуждали Марину и нашего «зайчика».

– Кстати, о ней. Все думают, что это она слила инфу конкурентам.

Мои глаза закатываются вверх, чтобы взять из недр памяти момент, когда к нам пришла работать Марина.

– Да точно не она. Она же устроилась к нам перед Новым годом. Ох, не люблю я эти офисные интриги. А ты вот обожаешь. И возвращаясь к теме фриланса, тебе точно не надо отсюда уходить. Если здесь все нравится, удаленка, конечно, не твоя тема. Пойдем к директору, уже девять часов, скоро начнется летучка, а Витюша не любит опоздавших.

14:43. Мы все еще обсуждаем какие-то цифры, проекты, результаты месяца. На планерке запускаю волну зевков среди присутствующих. Руководитель смотрит на меня укоризненно. Я не вслушиваюсь в отчеты и цифры за январь. Делаю зарисовки нашего директора. Получается вполне симпатичный портрет глубоко думающего начальника в его кабинете. Мой руководитель Виктор Васильевич (среди офисного народа – просто Витюша) не обладает высоким ростом. Уже виднеются залысины, подстригают его ужасно – еще больше акцентируют внимание на проплешинах. Почему никто из родных ему об этом не говорит? Он носит костюмы на размер меньше, и так жалко пуговики на пиджаке, которые изо

всех сил стараются скрыть пузико, держатся из последних ниток. Вообще, вид у него несуразный, как и его почетные грамоты на стене. Сразу бросаются в глаза рамки ядовито-зеленых, оранжевых цветов, абсолютно не сочетаемых друг с другом. Сами грамоты с нелепыми формулировками заслуг, и, если запустить туда страдающего перфекционизмом, он тут же вздернется рядом с покосившейся рамкой. Их «кривость» никому не дает покоя, кроме Виктора Васильевича. Главной деталью кабинета является специфическая точилка в виде голой женской фигуры, застывшей в «роковой» позе. Витюша ставит ее на середину стола. В офисе гадают, кто ему подарил нескромный канцелярский сувенир. Я – одна из немногих, кто с ним ладит. Коллеги не любят Витюшу за вульгарные шуточки, и везет ему, что мы работаем в России, – в любой европейской стране его юмор воспринимался бы как сексуальное домогательство.

Работники делают вид добросовестных слушателей, но на самом деле только Лена внимает каждому слову и записывает цифру за цифрой. И когда Витюша задает мне внезапно вопрос, сосредоточенная коллега шепотом помогает с ответом. За это ее благодарю: пишу в уголке блокнота «Спасибо». А мои зарисовки остаются незамеченными для директора.

На планерке также присутствует самый главный «поддакивалка» по фамилии Соловец, он отвечает за хозяйство. Успевает говорить и кивать нашему директору между жева-

ниями очередной резинки, которая спасает его от желания закурить. В нашем коллективе все смеются над его экспериментами по бросанию курить, хотя однажды они привели к решению убрать курилку. Тогда ор стоял выше Уральских гор, ведь там собирались не только курящие, но и такие, как я, кто любит решать все вопросы с помощью старого древнего способа «потрындеть».

Директор оставил нам место, но ввел регламент – не больше пяти минут. Виктора Васильевича полюбили после такого решения, но чувства продлились ровно до первой пошлой шутки про уши и член.

На планерке зарисовка получается живой, и страница с датой «2 февраля» перестает быть скучной. Мне нравится мой голубой ежедневник: в нем рисунки, хорошие записи, мотивирующие лозунги.

Незаметно фотографирую получившийся портрет, выкладываю в соцсети. Коллеги первые оценивают пост. Телефон без конца загорается, всем нравится зарисовка.

Летучка превращается в пятичасовое совещание. Мы выходим из кабинета и дружно, без Соловца и Витюши, идем в курилку. Главное правило всех планерок – обмозговать все шуточки директора, цифры и отчеты в курилке. Перерыв затягивается, мы смотрим видюшки про котиков, талантливых попугаев, художника и змею. Последняя извивается и рисует картину.

– Видела, как дельфины рисуют, но чтобы змея... – гово-

рит Лена.

– Ага, хорошо ее надрессировали, – отвечает другой коллега.

– Лили, ты о чем задумалась? – спрашивает Мила.

– Даже змея рисует, а я нет, – ответила ей.

– Ты тоже рисуешь, вон какие портреты.

Стены курилки сотрясаются, мы громко смеемся по поводу нарисованного портрета. Заходит Соловец, болтовня прекращается.

– Лили, я скинул документы. – Он не успевает договорить и закашливается.

Выходит быстро, лишь бы не чувствовать этот противный и манящий для того, кто бросает курить, запах. Мила указывает на дверь и шепотом произносит:

– Ладно, давайте работать, а то третий пластырь уже налепил из-за нас.

16:52. Вздыхаю с облегчением, остается работать около часа. Мой кабинет по размеру напоминает скорее коробку от холодильника. Но ближе к 18:00 стены как будто еще больше сужаются. Дверь не закрыта, поэтому ко мне часто заходят незнакомые люди, словно видят во мне справочное бюро по нашей организации. Симпатичный мужчина лет тридцати пяти стучится и спрашивает, как найти контрактный отдел. На последнем слове он запинается.

– Извините, не смог удержаться, заглянул в ваш блокнот. Хорошо у вас получилось.

– Ой, спасибо! – Чувствую, что мое лицо порозовело. – Их кабинет находится через три двери. Сейчас выйдите, поверните налево, у них номер 110.

Мужчина кивает, проговаривает еще раз направление. Затронутая арт-тема, видимо, пробуждает желание продолжить разговор.

– Вы давно рисуете?

– Сколько себя помню. Все хочу заняться этим делом более профессионально, записаться на курсы, но времени не могу найти.

– Я тоже рисовал, но так, скорее баловался, в виде хобби. Подумал даже, что смогу этим зарабатывать. Пошел на курсы к Бродееву, знаете такого?

– Бродеев! Конечно! – Только потом поняла, что вопрос звучал риторически.

Он кивнул и продолжил:

– Там, правда, мой талант засунули далеко. В общем, не срослось.

– Я тоже хотела к нему попасть, но испугалась большого количества желающих. Знаю, что у них отбор жесткий. А вы как туда попали, через знакомых?

– Почти сам. Я настойчивый, обрывал телефон и спамил почту. Да, там очень-очень жесткий отбор, Бродееву нужны не только интересные художники, но и личности. Когда курс начался, понял, что мне нравится рисовать, когда сам хочу. Писать картины – это увлечение, которое у меня продлилось

недолго, не готов был этим заниматься каждый день. Там учат блестяще, но, кажется, я лишился вдохновения. Если вы хотите попробовать себя на курсах, то могу дать номер помощника по отбору претендентов, через которого можно договориться.

– О, спасибо большое. Даже не верится, что мне так повезло, и хорошо, что вы ошиблись дверью.

Гость достает телефон и диктует мне цифры.

– Маргарита вам должна помочь, узнаете что и как. Да, и на сувенирчик для нее не скупитесь. Я, конечно, не стал великим художником, но Бродеев помог найти свою тему. Сейчас организовываю вечера, где каждый может прийти и нарисовать картину. Знаете, это наподобие «открытого микрофона», только у нас называется «Открытый холст». Среди гостей Петр часто бывает, за столько времени мы с ним подружились. Он пользуется авторитетом среди гостей. Они следят за каждой его реакцией и пытаются угадать, нравится ему полотно или нет.

Слушаю его с открытым ртом, киваю – имя Бродеева для меня как магнит. Мимо проходят люди и удивленно косятся в нашу сторону.

– В конце вечера художники выставляет картину на аукцион, а гости покупают. Но цена зачастую зависит от Бродеева. Он даже не знает, каким обладает влиянием на ценителей искусства и как меняет судьбы молодых художников.

Мужчина достает что-то из кармана и протягивает мне:

– Приходите тоже. Вот визитка.

Потрясена таким архаизмом, ведь уже пару лет никто ими не пользуется. Все люди добавляются в «Пробку» или другие соцсети, находят друг друга, и все это происходит без карточки с вензелями.

– Александр Верба – красивая у вас фамилия.

– Спасибо. Надеюсь, еще увидимся. Так... куда мне сейчас?

– Давайте я вам покажу, как пройти.

Мы выходим в холл, я указываю направление. Александр приветливо машет рукой в знак прощания. В камерке остается запах корицы с ванилью. Обожаю булочки, вдыхаю аромат, улыбаюсь.

Волнение окутывает меня словно колючий шерстяной шарф. Заглядываю в блокнот и повторяю последние цифры недавно записанного телефонного номера. Так хочу попасть на курсы к именитому художнику и учителю, но мной овладевают сомнения. Достаточно ли я интересная для Бродеева, талантливо рисую или мне только кажется. Пускаюсь в поиски информации о курсах, читаю отзывы. Три года назад, после университета, уже интересовалась ими. Тогда мне помешала нехватка денег, и пришлось устроиться в офис. Думала, что работа будет кратковременная.

В мыслях улетаю на Манхэттен, меня окружают картины в собственной галерее, пью вкусное вино, и за окном меня умиляет вид спешащих на работу людей. Город бурлит и

днем, и ночью. Да, я стану обязательно великой и знаменитой художницей. Вздыхаю: ценник на курс космический, ну и пусть, это ведь сам Бродеев.

Наступают долгожданные минуты для офисных работников: 17:59 и 18:00. Кабинеты пустеют, все спешат, нельзя лишиться ценных минут жизни и тратить дополнительное время на «энергоотсос». В толпе торопящихся раздается звонок. Никто не роется в поисках телефона, потому что звонят мне. Я отвечаю Григу.

– Привет, дорогая. Ты еще на работе? Рядом еду, могу тебя забрать.

– Я почти на выходе. Заезжай за мной.

18:10. Сажусь в машину. Запах нового автомобиля еще не выветрился. Первые минуты разговора проходят в вопросах и ответах о прошедшем дне. Из-за вечерних пробок у Грига портится настроение. А мне так хочется рассказать о знакомстве, курсах и мечтах. Машина в очередной раз останавливается, но уже по причине красного сигнала светофора. Среди полос проходит мужчина преклонного возраста с длинной-длинной бородой.

– Открыть окно, дашь ему денег? – спрашиваю у Грига.

Светофор загорается, наша машина проезжает мимо старика.

– Ты ему не дал, потому что он похож на попа?

– Нет, этот похож как раз таки на нищего, а попы же на нищих не похожи. Просто налички совсем нет.

– И у меня. Ненавижу такие моменты, когда совсем нет денег на милостыню.

– Да, с переходом на безнал в карманах никогда ничего нет, жаль, они ходят без терминала. Но было бы странно, если бы нищий брал милостыню с терминала.

– Блин, опять телефон плохо работает, звук на видюшках совсем не воспроизводит.

– Возьми мой, мы почти приехали.

Машина поворачивает направо, до дома остается пять минут езды, мы их проводим в тишине. Погружаюсь в размышления о предстоящем курсе, как мои работы будут хвалить, как стану лучшей ученицей на курсе, а потом выставки, галереи, знакомства с другими художниками, аукционы с моими работами. Григ тоже молчит. Мы часто в пробках ничего не обсуждаем, оба погружены в свои мысли, меня расслабляет наша тишина. Григ – первый человек, с которым легко молчать, без переживаний, что не могу подобрать слова или тему для общения.

Дома возле порога нас ждет кот, зевает. Немногочисленные оставшиеся продукты в холодильнике «намекают», что проще сварить пельмени.

Звонит телефон, и, судя по восторгам, поздравлениям, личным темам, Григ общается с отцом. Они разговаривают каждый день по часу. Александр Евгеньевич – основатель социальной сети «В пробке». С каждым днем количество времени, проведенного в дорожных заторах, увеличивается,

и идея о ее создании пришла как раз в пробке. В этой соцсети, как и везде, обсуждают политику, новости, чьи-то жопы, но больше говорят про бамперы машин и т.д.

Григ входит на кухню в приподнятом настроении:

– Представляешь, «Пробка» поставила свой рекорд. В сети уже пятьдесят миллионов пользователей. Кто бы мог подумать, что эта соцсеть так...

– Сельдерея бы...

– Что, прости?

Вместо того чтобы продолжить: «эта соцсеть выстрелит прямо как из пушки», брякнула первое, что пришло в голову:

– Сельдерея хочется. Что ты там насчет пробки говорил?

– Кто бы мог подумать, что эта соцсеть так выстрелит.

Влюбленные люди меня раздражают «премилой» манерой заканчивать фразы друг за другом, и я стараюсь на них не походить.

– Ну людям в пробке делать нечего, с нашим «бездвижением» актуальная тема.

– Да, отец сказал, что в связи с таким большим количеством народа дорожная инспекция обязала их компанию написать, как на пачке сигарет, предупреждение.

– Про легкие, что ли? – с недоумением спрашиваю у Грига.

– Нет, типа дорожная инспекция предупреждает, что водителю пользоваться смартфоном во время движения транс-

портного средства запрещено и влечет наложение административного штрафа.

– Это будет выглядеть странно.

– Ну как и пачка сигарет. Мы сегодня есть вообще будем или нет?

Я тянусь за кружками, висящими над головой. Чувствую его взгляд на моей спине.

– У меня все готово, сейчас чай налью.

– Я хотел давно спросить, но не знаю, как ты к этому отнесешься.

Я поворачиваюсь, ставлю чайник обратно. О нет. Неужели он собирается сделать предложение. Александр Евгеньевич ждет от нас внуков, и поэтому после каждого их разговора витает в воздухе тема наших будущих детей и брака.

– Ты делаешь мне предложение?

Глаза Грига округляются, а я прижимаю ладони к губам.

– Ой, ты не это хотел спросить... Какая неловкая ситуация, и пора мне замолчать.

– Эмм, вообще хотел спросить про твоих родителей. Но ты разве хочешь замуж?

– Не, фух, на минутку показалось. Не то чтобы я хотела... Ты весь радостный, звонил отец, я услышала про... да не важно. А что ты там спрашивал про родителей?

– Ты ничего не рассказывала про родителей. Извини, если тема трудная. Просто много слышал о бабуле и про отца иногда, а про маму совсем нет, но входящие от нее я часто

вижу у тебя на телефоне. И вчера она утром звонила, но ты скинула.

Пальцы стучат по столу, замечаю это и прекращаю «бит». Григ уже сам наливает чай.

– Про нее не хочу говорить. А папа умер, когда мне только исполнилось четырнадцать. Едва прошло два года со дня его смерти, она снова вышла замуж. Я не хотела, чтобы в доме находился посторонний человек, и часто ночевала здесь, у бабушки. Потом новому мужику предложили работу в другом городе.

– А имя-то у него есть?

– Я его прозвала «какой-то Вася». Отказалась с ними переезжать, бабушка меня забрала к себе. Маму видела раз в неделю. И то в дни ее приезда уходила специально гулять, не хотела с ней общаться и видеть вообще.

Григ больше не задает вопросы.

– Мы с мамой давно потеряли связь, еще до смерти папы. Она просто в один миг ушла из моей жизни. Брат родился мертвым. Папа ей приносил чай с мелиссой, всегда его заваривал, когда в семье не ладилось. Я лежала возле маминой головы, гладила ее кудрявые волосы, она молчала. Только ночью слышала мамины всхлипы, но на следующее утро она снова молчала. Так пролежала рядом с ней неделю, никуда не выходила. Папа приносил подгоревшую кашу. До сих пор помню вонь, которая была в квартире из-за сожженной каши. Через три недели мама встала, уверенным шагом про-

шла к телефону, позвонила на работу и сказала, что на следующий день выйдет. И с тех пор возвращалась поздно, бывало, что я засыпала, так и не дождавшись ее поцелуя на ночь. Папа заменил ее. И мы больше времени проводили с ним, он меня познакомил с миром искусства, благодаря ему я прониклась любовью к рисованию. А через пару лет и он покинул меня.

– А сейчас вы с мамой общаетесь? – спросил Григ.

– Редко, отвечаю ей раз в две недели.

– Я заметил, что ты постоянно сбрасываешь ее входящие.

– Да, просто так получается. Утром ведь спешу.

В желудке словно поселились волки и так выли от голода.

– Так, мы долго будем все это обсуждать? Еда же остынет.

19:46. Мы ужинаем, и возможности поговорить о моем знакомстве и курсах опять нет. По моим наблюдениям, практически все женатые пары смотрят в телефон за ужином. Эта привычка появилась и у нас. Проверяю соцсети, читаю оставленные комментарии к моему посту про офисные будни. И незаметно для себя прилипаю к телефону на целых два часа. Опять упускаю время, ворую у самой себя судьбоносные два часа. Если так подумать, то любая минута несет в себе изменение.

22:01. После ужина выхожу на балкон полюбоваться подсвеченным ночным городом. Из всех громадных зданий мне нравится «Метрополитен», хотя на таком расстоянии он выглядит малюсеньким, с мизинчик. Самая известная в стране

галерея в виде метро со станциями, названными в честь именитых живописцев, инсталляциями. Огромная территория современного искусства и дизайна. Там приходится передвигаться с помощью горизонтальных и вертикальных лифтов, напоминающих вагоны. Пройти пешком сложно, но как-то с папой мы смогли проделать этот путь. Потратили часов семь, ноги потом гудели, но счастья от увиденного хватило на целый месяц. Выставить там свои творения – главная победа для любого художника.

– Григ, ты меня слышишь? Когда-нибудь и мои картины там будут. А-а-а, черт, я же забыла позвонить.

Смотрю на небо и прошу у Ба прощения, конечно же, фея, а не черт.

Григ заходит на балкон и недоуменно спрашивает:

– Что ты кричала, я в ванной был?

– Да уже ничего. Поздно, пошли спать.

22:50. Перед сном опять себя корю, что слишком много времени трачу на ерунду. Не получается почитать про прокрастинацию из-за нее же. Даю обещание, что на следующий день обязательно поговорю с Маргаритой. И завожу будильник на пораньше.

06:50. Говорят, что эндорфины убойными дозами вырабатываются в начале отношений, потом снижаются. Верю этим людям. Утренний секс вместо будильника меня напрягает: зубы не чищены, жутко хочется в туалет по-маленькому. Да и ко всему прочему добавляются традиционные рыгания кота

возле дивана, который перед этим нажрался своей шерсти. И вот в мозгу появляется лист со списком: «Что нужно сделать после секса? 1. Убрать за котом эти вонючие, мерзкие комочки. 2. Сходить в туалет». Или в другом порядке?

Кот уже не блюет, а Григ шепчет на ухо:

– Сегодня необычное утро, ты даже успеешь позавтракать.

– А-ха-ха, я же встала на 10 минут раньше, а не на полчаса.

Григ после утреннего секса – самый приятный человек в мире. Он убирает за котом, а я ухожу в ванную. Периодически выхожу с щеткой и пеной во рту, чтобы поговорить с ним.

– Поняла, что надо все-таки поменять уже свою жизнь, хочу пройти обучение в известной художественной школе. Подожди, сейчас сполосну...

Григ, судя по кивкам невпопад, половину слов не понимает и в перерывах успевает только сказать: «ага», «угу», «давай!». Зубная щетка в руках сменяется на тушь, карандаш, юбку. Во время диалога каждый занимается утренними делами, поэтому приходится несколько раз переспрашивать друг друга.

– Правда, еще толком не узнавала, так, по сайту немного полазила. Про ценник как-то все сложно написано. Ты не будешь против?

– А сколько лет нужно учиться? Сколько стоит? Мы же хотели пока отложить деньги.

– Да я же говорю, что еще толком не узнала, есть ли у них

вообще свободное место. Там несколько направлений и время обучения от года до трех. Сегодня вечером еще обсудим. Кофе поью на работе, я поехала.

Через полчаса пью чай с лимоном. Кофейный аппарат сломан из-за частого использования, уж очень мы любим на работе этот бодрящий напиток.

Офисная жизнь захлестывает заботами, делами, заданиями. Дни, как назло, загруженные, не нахожу время даже на обед, а на звонки, которые могут изменить мир, уж тем более. Начало и конец месяца – сложные периоды для офисных работников. Сначала не вылезают с планерок, а через две недели готовятся к сдаче отчетов.

Бесконечная погоня за отчетами и планами лишают меня жизни. Утро в спешке, офисная болтовня на работе, рабочий «энергоотсос» и любимые 18:00. Дальше ужины. Они проходят молчаливо, мы иногда отвлекаемся от интернета, чтобы показать друг другу какое-нибудь смешное видео, а иногда просто сразу обмениваемся, дабы и вовсе не отрываться. Весь рабочий день не видели никаких новостей или видео про котят, моделей, депутатов, поэтому надо срочно наверстывать. Соцсети снова мешают позвонить Маргарите, но ничего не могу с собой поделаться.

– Блин, я опять не позвонила, эти видюшки про разламывание песка или мыла слишком много времени отняли.

– А что тебе мешает начать рисовать без курсов? Просто для себя и сейчас?

– Ну, во-первых, сейчас уже десятый час, а во-вторых, за-сохли краски, я давно к ним не притрагивалась.

– Чтобы начать рисовать, краски не нужны, и курсы, кста-ти, тоже. Вон возьми кетчуп да и рисуй.

Григ выдавил прямо на стол кровавую лужу.

– Пфф, ну какой кетчуп...

Вздыхаю и вытираю соус сухой салфеткой.

– Лили, честное слово, ты прямо как мой коллега. Он хо-тел бегать по утрам, все начать не мог – то спортивного ко-стюма нет, то кроссовки не те, то сумки на руку нет для те-лефона и ключей. А потом вообще началась зима.

– Ой, да...

– Да вон возьми зубную пасту нашу, она тем более трех-цветная. Женщины некоторые месячными рисуют, фу-у-у, надеюсь, такое не увижу. А ты тут со своими красками.

Поздними вечерами обещаю себе, что завтра обязательно позвоню и узнаю о количестве свободных мест. Вообще, последние минуты перед сном самые бодрые, я полна реши-мости, заряжена мотивацией. Сон ослабляет готовность, и наутро я разительно отличаюсь от вечерней Лили, готовой свернуть горы. Утром же только одна мысль: «Можно еще часик поспать?»

Так продолжается примерно до конца февраля, два дня передышки, все облегченно вздыхают и прекращают сове-щаться. Дожидаюсь того самого дня, который изменит мою жизнь. И опять мечты о «Метрополитене» и о жизни без нуд-

ных планерок кружат меня.

До Маргариты невозможно дозвониться, у абонента все время занято. Как должен поступить человек, который хочет изменить свой мир? Узнать другой номер, спросить у консультанта на сайте, да, в конце концов, залезть в яндекс/гугл и найти отзывы бывших учеников, списаться с ними и спросить, как же можно попасть на этот курс, минуя Маргариту.

Вселенная мне дает возможность, а из-за страхов, соцсетей, прокрастинации – все упускаю.

Чудо происходит спустя месяц ночных обещаний – я дозваниваюсь до Маргариты.

Она отвечает сухо:

– Я понятия не имею, что там по обучению, сегодня уволилась, а отбор завершили еще неделю назад. И никто нормальный там уже не учится, Бродееву не угодить. Вообще, он сам ничего не понимает в искусстве. Ни один ученик после него не стал гениальным художником, ни одного шедевра за все время. Я хороших учеников ему подбирала, но таланта у самого Бродеева мало. Всё.

Держу в руках телефон, экран погас, не могу поверить, что так облажалась. Вселенная же меня любит, она так не может со мной поступить. Так верила, что мои курсы от меня за месяц никуда не денутся. Неужели перемены опять не наступят? Почему именно сейчас эта Маргарита уволилась? Неужто не могла подождать, пока я завершу все свои дела? Всего несколько дней назад бы вернуть. Вот так милые видео

с котятками, депутатиками, застрявшими в танке, и т.д. очеркнули мои мечты стать лучшей ученицей на курсе, а потом оказаться в «Метрополитене».

Другие способы попасть на подобные курсы не использую. Как назло, вечером кот роняет телефон, и тот неудачно падает. С одной стороны, расстраиваюсь, но с другой – избавляюсь от соцсетей. Беру себе совсем старый телефон, чтобы не возник соблазн залезать в интернет и тратить время на ерунду.

Меня хватает на неделю. Всего на неделю. Желание узнать новости про звезд, посмотреть выпуски YouTube, почитать блогеров, астрологов вызывает внутренний зуд. Не могу признаться себе, что я интернет-наркоманка. Каждую свободную минуту звоню в ремонтную мастерскую, чтобы узнать, как дела у моего телефона. А когда он попадает в руки, социальный мир вновь возвращается ко мне. И больше меня не отпускает.

Снова ударяюсь в бессмысленные поиски себя, подписываюсь на страницы блогеров о своем предназначении. Все чаще посещают мысли: если не получается с курсами, скорее всего, это не моя судьба и т.п. Надо просто продолжать себя искать. И вот в мои размышления за ужином вторгся Григ со своим мнением:

– Устал тебе доказывать, что ты сама в состоянии себе помочь. У тебя ничего серьезного не произошло. Какая-то тетка уволилась, сто других возможностей, подобных курсов,

мастер-классов. Чуть что пошло не так, сразу в кусты на очередные поиски себя. Да, в конце концов, можешь поговорить с моим отцом, как он после трех крахов смог найти в себе силы и сделать еще один бизнес.

– Что мы о нем постоянно говорим? Отец твой – редкий случай. Я не такая, мне нужно, чтобы меня направляли, вели по жизни.

– Лили, ты же не слепая, чтобы тебя вели.

– Хорошо, неправильно выразилась, – чтобы меня хвалили.

– За что кому-то тебя хвалить, если ты ничего пока не сделала. Если сделаешь что-то существенное, то и похвалят. Кто же в начале-то хвалит?

– Всё, потом поговорим, я читаю блогершу, она интересно пишет про исполнение мечты.

Григ закатывает глаза, как незнакомый человек, которому ты не разрешаешь влезть в очередь. Вечный пример его отца как самого главного борца меня раздражает.

Вместо полезных дел застреваю снова в мире чужих людей. Осознаю, что социальные сети – сегодняшнее зло на пути к осуществлению желаний или достижению целей, уже запуталась, что именно нужно. Людям проще окунуться в жизнь каких-нибудь звезд, потратить время на просмотр коротеньких отрывков из фильмов и чтение очередных афоризмов от Эйнштейна или лысого накачанного актера. Хождения по интернету – это наркотик, и у него свои послед-

ствия. Для меня они наступят позже. Нельзя мечтать и при этом бездействовать. Транжирить время – значит обрекать себя на однообразную, унылую жизнь.

Я настолько боюсь дня сурка, что стараюсь проводить каждый день по-разному. За обедом в кафе выбираю другое блюдо, общаюсь с новыми людьми, меняю местами папки с записями на столе. Но, несмотря на эти старания, день все равно проходит по обычному сценарию. В этом и состоит парадокс моей жизни: меняю мелочи, надеюсь, чтобы они приведут меня к глобальным переменам. За ужином даже прошу Грига убрать телефон, чтобы поговорить, но почти всегда жалею об этом. Мы с ним расходимся во взглядах на политику, искусство, образование, поэтому наши «бестелефонные» ужины заканчиваются спорами. Спорим бессмысленно, долго. Григ хочет, чтобы последнее слово осталось за ним, но я сопротивляюсь. У нас разные мнения по любым вопросам – не представляю наше совместное будущее.

Григ раскладывает деньги в белые конверты: на коммунальные услуги, на куртку из меха, на мощнейший ноутбук, на квадрокоптер и даже на дом. Как будто мы и впрямь семья с общим бюджетом. Мне же хочется путешествий, знакомств с художниками, «жить на Манхэттене и со звездами делиться секретами». Витаю в облаках, а Григ все время меня тянет обратно, тряся своими конвертами, чтобы я сконцентрировалась только на них.

Мысли материализуются, а мечты обязательно сбудутся,

ведь я прохожу столько марафонов по исполнению желаний. Нахожу журналы, вырезаю картинки, покупаю ватман, все вырезки соединяю в одну композицию, аккуратным, почти каллиграфическим почерком пишу пожелания себе в будущее, вешаю плакат в определенный лунный день. Карта желаний в самые первые дни меня вдохновляет. Это время наполняется приятными хлопотами, рисунками. Составляю списки важных книг личностного роста, делаю заметки об улучшении своей жизни. Покупаю блокноты для ведения утренних страниц – отчетов о проделанных шагах. Выжимаю сто целей за пятилетний срок. Все это должно качественно изменить мою жизнь.

Работа, обеды, ужины, будильники, бесконечные споры – так может продолжаться долго. Но Вселенная слышит каждое желание, дает столько возможностей исполнить мечту. А если из-за лени, страхов зарыть ее, то Вселенная начнет уже действовать за тебя. И средства, которые она будет использовать, тебе могут не понравиться.

Еще один отрывистый кусок внезапно всплыл в памяти.

09:34. Устраиваю грандиозную уборку. И зачем-то это делаю в воскресенье – в самый неудачный день для разгребания хлама. Наверное, всех настигает такое настроение: ты вроде чистишь зубы, потом замечаешь белые точки от зубной пасты в отражении зеркала, берешь тряпку, вытираешь, моргаешь – и вдруг моешь уже духовку или холодильник.

– Иной раз лучше не моргать. Как я очутилась на балконе?

С каждым годом это место обрастает двумя-тремя пакетами, коробками со старыми вещами и прочтенными книгами. Беру верхнюю коробку, раскрываю, частицы пыли попадают в нос, чихаю. Там лежат открытки от коллег, журналы из аптек, билеты из кинотеатров и тот самый голубой блокнот с моими смешными эскизами, заметками и контактом Маргариты.

Когда мы разгребаем свою жизнь или просто подобные коробки, главное – не впасть в ностальгию.

Пролистываю несколько страниц, мечтательные послания себе в будущее. Натыкаюсь на рисунки: портреты коллег и утренних пассажиров, несколько зарисовок зданий города: храмов, музеев. А рядом надпись: «Я все еще хочу стать величайшим художником, чтобы мои картины выставлялись в «Метрополитене». Еще раз перечитываю. Слеза падает на лист. Буква «у» расплывается и соединяется с соседними буквами. Слезы капают и капают, а я все листаю прошлогодний блокнот.

Такие находки должны мотивировать, злить тебя и поднимать с дивана. Я же погружаюсь в «сопли-сожаления».

Достаю телефон, смотрю фотографии в ленте. Вспоминаю, пытаюсь найти ответ. Почему же ничего не вышло? Вроде холсты, время, деньги, идеи были. Вообще, у каждого есть все для того, чтобы исполнить свои мечты, и у меня в том числе.

По соцсетям трудно определить причину, ведь за год мало постов, всего двенадцать фотографий: семь из них с коллегами на работе, два кадра из кинотеатров на фоне афиш, еще три с любимым Григом и котом. Последняя публикация сделана две недели назад, унылые двадцать шесть мы отмечали в узком кругу: я, Григ и Сажа. Мы в веселых колпаках, судя по снимку, коту не нравится праздничный атрибут.

Мила тогда улетела в Италию, еще одни друзья не пришли, потому что у их детей началась ветрянка, а одногруппники перестали уже поздравлять с днем рождения. С коллегами я отмечала на работе. Маму не звала. Заехали только родители Грига, и то погостили всего полчаса. Отец был встревожен из-за слухов о закрытии интернета, и его настроение повлияло на всех. Хотелось бы думать, что причины редких публикаций из-за насыщенной, яркой жизни, когда даже не успеваешь запечатлеть моменты. Но кого я обманываю? Когда живешь в аккаунте чужих людей, звезд, спортсменов, любишь их счастливыми минутами, поездками, то, конечно, на свои мгновения времени не хватает.

Жизнь меня ничему не учит. И после трех минут самоедства опять утыкаюсь в мир идеальных тел и модных «луков». Чужие жизни захватывают намного больше, чем собственная. В своей нужно ведь решать. А я не могу, у меня отсутствует пространство между жопой и диваном.

Но Таргет (да-да, именно с большой буквы, ведь некоторые считают, что это Бог им отправляет нужную информа-

цию) не дремлет в воскресенье, в отличие от большинства людей. И мне, мечтающей художнице, приходит реклама о новом перформансе художника-факира.

На балкон заходит Григ и обнаруживает меня среди пыльных коробок. Он еще сонный, напоминает слепого котенка.

– Ты чего тут? Наконец порядок решила навести?

– Ага.

Я жадно читаю информацию о предстоящем событии.

– Понятно, а телефон внезапно среди коробок напал на тебя.

– Читаю. В следующую пятницу хочу сходить в музостерскую.

– Э-э-э, что это такое?

– Это новый вид творческого пространства, прямо в музее посреди полотен рисуют картины, создают инсталляции, перформансы, типа шоу-музей.

– Ой, какая муть.

Григ зевает, но все равно продолжаю ему рассказывать:

– Там открытие, и пригласили художника, он рисует с помощью огня. Соберется вся художественная элита, а это знакомства, новые идеи картин. Пойдешь со мной? Судя по комментам, он создает шедевры на холсте. В основном, конечно, картины леса. Интересно, как за такое короткое время холст не загорается, а, наоборот, преобразается?

Григ все еще зевает:

– Ой, не, все эти фокусы скучны, да и к тому же надо

костюм надевать, я лучше дома посижу. Могу отвезти тебя, чтобы не тряслась в автобусе.

В детстве папа мне подарил огромный набор для рисования с красками, кисточками, карандашами. Я радовалась ему каждую минутку, а если отвлекалась на другие дела, то все равно продолжала улыбаться. Не столько внешне, сколько внутренне. Я могла забыть, отчего так радовалась, а потом вспоминала и еще больше светилась от счастья. Возможно, вдохновилась мыслью, что мой мир изменится!

– Алло, Лили. Ты чего так заулыбалась? Где место-то находится?

– На Тургеневском. Это бывший «Гараж». У меня просто поднялось настроение. Слушай, шампанское с моего дня рождения еще осталось, давай его откроем?

Григ ворчит, подходит к холодильнику, смотрит на часы:

– Еще утро совсем. Ты чего?

– Ай, отойди тогда, сама открою.

Толкаю Грига, он не отходит, но раздает советы:

– Не трясги ее, это же тебе не сок. Давай, утренний алкаш, сам открою.

После несколько мучительных попыток шампанское фонтаном выливается на пол, капли попадают на стену, где карта желаний, на растения и немного на кота.

– О, это к счастью.

– Ага, к счастью, тщи тряпку быстрее, пока кот тоже не присоединился к утреннему пиру.

После выпитого шампанского энтузиазм насчет уборки падает, а вечер заканчивается просмотром очередного сериала и серфингом в социальных сетях.

06:33. Пятница, утро, долгий выбор наряда. Приготовленный с вечера костюм мне уже не кажется удачным вариантом для сегодняшнего мероприятия. Красное платье слишком вычурное, серое – только для обеда с монахинями, оранжевое с птицами – хороший вариант, но к нему нет пояса. В итоге выбираю классическое черное платье, чуть ниже колен и с открытой спиной в качестве тонкого намека на то, что я совсем не монашка, правда, дышу в нем с трудом – узкое настолько, что лучше в нем не садиться.

Кофе, пробки, еще один кофе, офисная болтовня, волнение по поводу предстоящего события, и наконец время на телефоне показывает любимое сочетание чисел: 18:00. Переодеваюсь в офисном туалете. Заезжает Григ, и нас ждут очередные пробки.

Как будто смотрю на себя в ускоренной перемотке, все мои движения и движения окружающих увеличиваются.

Толпа людей хаотично движется на парковке. Григ моргает фарами, чтобы они разошлись, высаживает меня возле входа. Вывеска «Время» с вензелями переливается.

Но внезапно появляется надпись с громоздкими, толстыми буквами «ГАРАЖ», и эти две вывески начинают чередоваться с удвоенной скоростью. Не могу разобрать, почему это происходит, и звук в голове, словно мозг – это Windows,

который оповещает об ошибке.

С трудом открываю серую дверь, пугает отражение в зеркале: на меня смотрит панк с моими глазами, а сверху со злостью глядит старуха. Прохожу вперед, снимаю шапку и пальто, подхожу к гардеробу. Здесь звучит шепот маленькой девочки. Знакомый голос. Звуки раздражают, кричу, чтобы она заткнулась. Но тик-тик-тик-тАк-тик-тик-тик-тАк продолжает раздаваться в моей голове. Затыкаю уши и кричу что есть силы.

Глава 4 Заново

Гул в ушах, крики, сигналы скорой или пожарной машины, не разобрала. Мне казалось, что возле меня тысяча людей, воздуха не хватало, люди орали, чтобы прекратили снимать и убрали телефоны. Мы живем во времена блогеров, фотографов, безымянных комментаторов в соцсетях, но не среди врачей, учителей или продавцов мороженого из старого парка детства. Не знаю, почему мне тогда это пришло в голову. Вокруг витал запах горелых волос, а так хотелось именно туда – в тот парк. Там мы часто гуляли с папой, съедали по пять стаканчиков: каждому по два, а пятое делили пополам, папа съедал верхушку, а я доедала. Обожала набухшую вафельку, которая таяла во рту. Пломбир из детства самый вкусный. Дети в парке смеялись. Папа звал меня к себе, он покупал нам мороженое. Побежала к нему, наконец-то я его обниму. А продавщица почему-то грозно посмотрела на меня и сказала: «Ну уж нет, только не в мою смену, давай, девочка, возвращайся».

Вернулась, но ощущение, что нырнула в лаву. Воспоминания вечера из «Времени» остались для меня разорванными: спрашивали мое имя, как связаться с родными, следователи приходили, но им не давали даже договорить. Пропать в памяти, долгий сон, но уже без путешествий к отцу, без парка и без ускоренной прокрутки жизни.

Первое воспоминание в реальности – это разговор с врачом и куча непонятных медицинских слов. Операция прошла, удалили некротизированные участки. Ожоги кожных покровов, деформация чего-то там. Слова врача вносили больше сумбура, чем ясности.

– Ваше текущее положение сейчас не приговор, а просто ограничение. Надо подождать пару месяцев. Держитесь.

Дверь захлопнулась, доктор, видимо, вышел. Мы остались вдвоем с Григом, хотя точно не знала, кто еще находится рядом.

– Держитесь? Он это серьезно?

Я не стала отвечать на вопрос Грига, после он еще добавил: «Ага, держитесь там».

Врач не объяснил, что со мной, но Григ немного перевел с медицинского на простой: у меня сотрясение мозга, синяки, ушибы, рваные раны и, главное, проблемы со зрением. У меня пострадали ресницы, веки, слезные железы, деформировалась роговица. Григ задал самый дурацкий вопрос:

– Ты как?

Меня словно окатили ледяной водой. Ненавидела этот вопрос. Лютая неприязнь началась после папиной смерти. Похороны бабушки же удвоили ненависть. Никогда на него не отвечала, хоть и понимала, что люди просто проявляли учтивость. Григ следом задал другой вопрос:

– Тебе что-нибудь нужно?

– Не знаю.

В палате воцарилась тишина. Григ, видимо, не знал, что еще спросить, а я не знала, хочу ли отвечать. На автомате руки щупали тело, лицо. Не верила, что находилась в больнице, еще буквально пару мгновений я разглядывала дурацкие часы в холле музوماстерской, и вот теперь лежала вся перебинтованная. Мир изменился за считанные секунды. В моей голове безнадежно раздавались крики: «Нет, нет, это не со мной, это не я». Григ кашлянул.

– Как будто мы сейчас играем в жмурки, только вместо шарфа на моих глазах повязки. Может, это всего лишь сон?

– А еще доктор сказал...

– Как там кот?

– Кот? Нормально, что ему будет. Я сегодня утром к нему ездил, за эту неделю похудел. Его кормила наша соседка.

– Хорошо. Хочу поспать, наверное, эти капельницы со снотворным.

Натянула одеяло до плеч. В ушах слышала какой-то гул, шумел ли это Григ или нет, но звука закрывшейся двери не слышала. В палате меня раздражал еле слышный шепот и ужасно громкие часы, кто, вообще, в палатах вешает часы?

Не верила поставленным диагнозам. Потеря зрения? Такое не могло случиться со мной. Хотелось просто накрыться одеялом, как в детстве. Казалось, что все происходило во сне или с какой-нибудь героиней фильма. Вселенная так не могла поступить, ведь я столько визуализировала, столько посылов отправляла в космос. Это все не со мной, точно, а как

же мои мечты?

В первые недели после больницы много спала. Мне казалось, только и делала, что спала. Меня мучили кошмары: огонь, толпа, крики о помощи. Запах гари так и не уходил. Как будто не просыпалась, не проживала день, и со мной говорили только сквозь сон, давали какие-то таблетки, снова и снова по мне бежали острые шпильки. Ела я тогда вообще что-нибудь, кроме лекарств?

Терла уши, чтобы убрать шум, но с каждым днем звук увеличивался: тик-тик-тик-так-тик-тик-тик-так. Как будто та девочка сидела рядом со мной и в ухо мне шептала. Григ часто толкал меня и говорил, чтобы я закрывала глаза и спала.

Люди раздражали меня болтовней, ненужными вопросами, причитаниями: «Что же теперь будет с молодой девочкой?» Когда организм стали меньше пичкать всякой дрянью, пришло осознание, что я ничего не могу увидеть. Если точнее, все предметы выглядели расплывчатыми на сером фоне, словно мои глаза зашторили серой тканью и наложили много-много искореженных фильтров.

Григ негодовал, что в новостях мало говорили о произошедшем, никакого резонанса в соцсетях. Трагедия унесла лишь одну жизнь, и то самого главного злодея, с точки зрения обывателей, читающих информацию своей пятой точкой. Погиб только сам директор мастерской. Он помогал девушке подняться, ее удалось спасти, но его тело нашли воз-

ле скульптуры. Все пользователи интернета – они же самые главные эксперты по трагедиям – посчитали, что одна смерть – это уже хороший итог. В основном все гости того вечера отделались испугом или рваными ранами. Но только у меня из всех из них застрял в голове чертов шепот, который сводил меня с ума, «затуманилось» зрение и маячила инвалидность. И за слово «черт» даже не просила прощения, потому что феями там и не пахло.

Мысли об этом меня разрушали, мной овладевала злость, которую выплескивала на окружающих: соседей, гостей, коллег. Спрашивала у них, почему я, а не тот жирный мужик, который нас всех распихивал. Я не контролировала свои действия и швыряла стаканы с водой, предназначенные для запивания лекарства, в разные стороны, попадала в людей. Мне хотелось кричать, чтобы заглушить тиканье и чтобы меня наконец оставили в покое со своим любопытством и поддержкой.

Когда люди перестали ко мне ходить, я слезла с дивана. Мучила ужасная головная боль, словно мой собственный организм истязал, пытал себя же.

Сделала пару шагов. Как будто здесь и не жила, натыкалась на углы, кота, мебель. Мне всю жизнь бабушкина квартира казалась малюсенькой, но путь до окна занял вечность. Дрянная девчонка продолжала шептать мне в ухо: тик-тик-тик-так. От дивана я насчитала восемь маленьких шагов. Шла с вытянутыми руками, дурацкое тиканье не утихало,

моя голова как наковальня, а тот тикающий шепот бил и бил по ней.

Невозможность его заглушить, слепота, отчаяние, внутренние голоса подталкивали меня к окну. Зацепила кресло, шаг вправо, больше не надо, иначе упрусь в горку с сервантом.

Воздухом бы надышаться, соскучилась по свободе. Шепот не утихал, наоборот, громкость его нарастала, удар по вискам, больно и пронзительно. Нащупала подоконник, дверной замок, открыла первую створку. Раскрыла окно полностью, и в комнату ворвался холод. Дышала и дышала, бабушка говорила, что перед смертью не надышишься, а мне только этого и хотелось. Надышаться, умереть и больше не слышать дрянное тиканье. Свежий воздух наполнил легкие, на улице было промозгло, а весной и не пахло.

Залезла на подоконник, сердце билось сильнее, тиканье тоже увеличилось стократно. Через секунду меня бы уже ждала тишина: заткнется девчонка, исчезнет головная боль, прекратятся мучения. Тик-тик-тик-так – и шаг вперед. Следующий шаг приблизил бы меня к грязному асфальту, к серому снегу на клумбе или что там у нас в марте. Каково это летать? Скоро узнаю. Везет же птицам. О, нет, я говорю как та ноющая баба из «Грозы», которую мы когда-то читали в школе. Терпеть не могла таких героинь, а теперь сама размышляла о полетах. Мысли проносились быстро, не цепляясь друг за друга. Прикрыла окно, я же сильная, не та ною-

щая.

Тик-тик-тик-так продолжали бить в виски. Хотела, чтобы все стало прежним, чтобы проснулась снова зрячей. Мне стоило, как в старых играх, сбросить эту жизнь. Сделала бы шаг, и игра обнулилась. Дети орали, надоели их вопли. Хотела, чтобы все заткнулись. Пожалуйста, жизнь, начнись заново, я все-все поняла. Вселенная, я тебя услышала. Пусть все будет сначала, с моего детства, пусть буду там, где мой папа, бабушка. Открыла окно – и шаг.

Григ схватил меня за руку. Он кричал, он даже заглушил тиканье, а я всего лишь хотела тишины.

После ситуации с окном Григ перешел на удаленную работу, все время проводил рядом со мной. Даже в туалет ходила под его присмотром. Не стала ему говорить про тиканье в голове, все еще просыпалась среди ночи с криками о пожаре, змее и шпильках. Квартира превращалась в помойку, вонь от невыброшенного мусора меня раздражала. Пообещала Григу, что не буду выходить в окно, лишь бы запах исчез. Оставалась одна на пять минут, а вонючий запах от мусора сменился на прежний: с лекарствами и какашками кота.

Ожоги зажили, а вот «крыша» с каждым днем все больше съезжала. Когда мы беседовали, давящее тиканье уходило из головы. Григ винил себя, горе-начальников музوماстерской, тех, кто дал разрешение на эксплуатацию помещения, и, конечно же, власть.

До трагедии мои водные процедуры ограничивались холодным душем с утра и теплым – вечером. Пена, шампанское, соли, свечи – это не моя тема, прохладно относилась ко всему романтическому. Но после случившегося любила принимать ванну. Опускала голову в воду, исчезал шепот, а когда выныривала, то продолжала разговаривать с Григом о политике и расследовании пожара.

В очередной раз слушала журчание набирающейся воды и гневного Грига. Он сердился, что мы не могли получить компенсацию. Компания продала «Время» за день до трагедии, а новый директор музوماстерской как раз погиб под «Плащом времени» – скульптуру плохо прикрепили, ведь спешили к открытию.

– Мне они не дали рассмотреть договор с ее фамилией. Чудова, Чудинова или что-то в этом роде, до этого была со-директором или организатором, а инициалы Н.В.

– Надежда, Нина, Настя. Вариантов много.

– Настя-то нет, она же Анастасия.

– Да, точно. Мой мозг совсем отказался думать. По-моему, телефон твой звонит.

Он ушел разговаривать на балкон, а я осталась одна, ванная все наполнялась. Я не отключала и медленно погружалась в воду по миллиметру все дальше и дальше. Вода добиралась до носа, немного щекотно, не хотелось совсем всплывать. Чем больше самоубийц – тем меньше самоубийц. Не помню, откуда это выражение, но наконец-то я могла слы-

шать мысли – какое блаженство. Теплая вода, приятное журчание, я словно растворялась, еще чуть-чуть, и наступила бы эйфория. Где-то далеко, не в этом мире, послышался крик.

– Что ты творишь?

Григ бешено вопил, мое лицо хоть и было мокрым, но все равно он меня всю заплевал своими слюнями.

– Мне надоело тебя спасать, слышишь? Все, вставай, сейчас тебе помогу, обопрись на меня.

Не видела его глаз, но они наверняка выражали негодование и упрек. Григ ненавидел жалких людей. Суицид и любое проявление жалости к себе вызывали у него отвращение, он презирал нытиков и трусов. И в тот момент мой поступок олицетворял все, что он так ненавидел в людях.

Я пыталась его успокоить и прекратить уже эти вопли. Пыталась ему объяснить, что просто хотела послушать свои мысли.

– Ничего не говори, не хочу тебя слушать, зачем так со мной?

Мы легли спать, Григ удивительно быстро уснул. Внезапно до меня дошло, что я давно не ощущала боль в животе, ту ежемесячную, которую чувствовала на протяжении пятнадцати лет. О беременности мне бы сказали в больнице, вряд ли врачи бы пропустили. Разбудила Грига, он сонно пробурчал, что не заметил никаких луж крови. Постаралась самостоятельно сделать тест, насколько возможно в моих условиях. В тумбочке под ванной у меня был целый склад

из тестов, настолько боялась забеременеть, что накупила их впрок. Ворчливый Григ посмотрел результат – не беременна. Мне стало легче. И не потому, что так не хотела детей, но после литров лекарств, которые в меня влили, ничего хорошего бы не вышло. Кому нужна незрячая, еще и съехавшая с катушек мамашка? Григ, или это был кот, засопел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.